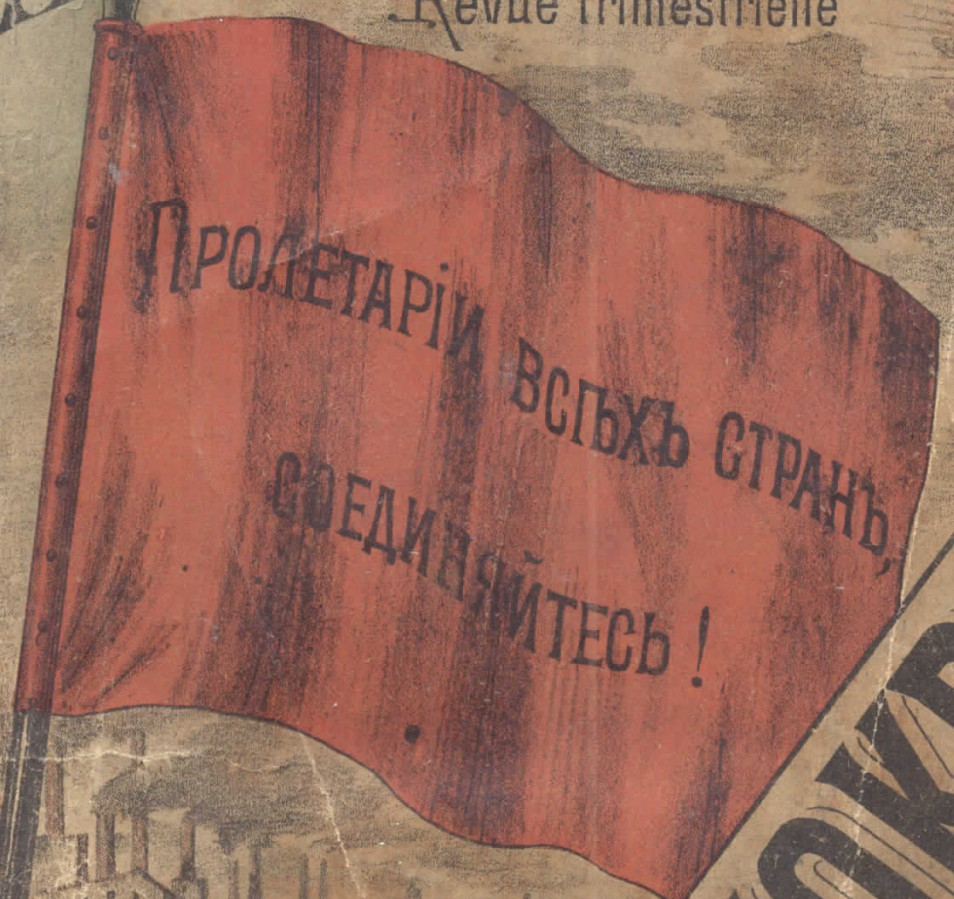

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE.

Revue trimestrielle

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

N° 1

ТРЕХМЕСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦІАЛЬ-ДЕМСКРАТА”

1890

П 12150.

Russischer Leseverein

LE

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

93

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.

ФЕВРАЛЬ
книга первая.

ЛОНДОНЪ

Типографія "Соціаль-Демократа"
1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи, переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища.	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса.	41
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ	108

настроения реакціонно-либеральной коалиціи характерно заявленіе „Національной газеты“, сдѣланное по поводу моральной грязи, которою процессъ противъ 90 социалпстовъ въ Эльберфельдѣ забрызгалъ правительство. Остается только одно средство для успѣшной борьбы съ социаль-демократіей — писалъ этотъ органъ національ-либераловъ, именно: создать особое *международное* право для рабочихъ“. Такой способъ дѣйствій можетъ, по мнѣнію „Нац. газеты“, повести къ образованію „умѣренной рабочей партіи“ и къ постепенному обезсиленію соц.-демократіи. Другими словами, поклонники Бисмарка желали бы, чтобы правительство германское взяло на себя инициативу въ дѣлѣ осуществленія рѣшеній международного конгресса социаль-демократовъ въ Парижѣ. Чтожь? Богъ ему въ помощь. Соціалисты первые порадуется этому, какъ самому блестящему триумфу надъ своими многочисленными врагами.

Мы воспользовались только крайне незначительной долей матеріала, содержащагося въ „юбилейной запискѣ“. Въ заключеніе еще разъ рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, интересующихся исторіей германской социаль-демократіи. Замѣтимъ только, что она предполагаетъ уже нѣкоторое знакомство съ главными фазами этой исторіи.

II. Аксельродъ.

— La civilisation et les grands fleuves historiques. Par Léon Metchnikoff, avec une préface de M. Elisé Reclus. Paris. 1889.

О книгѣ покойнаго Л. И. Мечникова совсѣмъ молчатъ наши періодическія изданія. Что означаетъ это? Можетъ быть она не заслуживаетъ вниманія? Но какъ бы кто ни относился ко взглядамъ ея автора, нельзя же не видѣть, что въ ней гораздо больше серьезнаго содержанія, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ „субъективныхъ“ нашихъ „соціологовъ“. Французская литература много богаче русской дѣльными трудами по общественнымъ наукамъ, а между тѣмъ и въ ней книга Л. И. Мечникова является немаловажнымъ приобрѣтеніемъ. Почему же не говорятъ о ней наши журналы? Должно быть опять пошалила цензура, которая, какъ извѣстно, склонна была одно время даже Дарвина „изъять изъ обращенія“. Если наше предположеніе справедливо, то вопросъ рѣшается очень просто. Съ цензурою ничего не подѣлаешь. Всѣ мы, русскіе читатели и писатели, давно уже привыкли къ неживчивому и взбалмошному нраву этой старухи.

Къ чему же сводится вредное содержаніе книги Л. И. Мечникова? О немъ можно и должно было бы написать много, но это невыносимо для насъ въ настоящее время. Надѣмся, что въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ намъ удастся подробнѣе разобрать историческіе взгляды покойнаго русскаго изгнанника, сопоставивъ ихъ со взглядами другихъ новѣйшихъ изслѣдователей общественныхъ явленій. Теперь же мы вынуждены ограничиться коротенькой замѣткой.

Нисколько не преувеличивая дѣла, можно сказать, что книга Л. И. Мечникова затрогиваетъ самые основные вопросы философіи исторіи и для нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ вполне удовлетворительное рѣшеніе. Крімъ того она положительно изобилуетъ чрезвычайно мѣткими замѣчаніями по частнымъ, второстепеннымъ вопросамъ науки, и нужно было бы только изложить эти замѣчанія въ болѣе систематической формѣ, чтобы еще болѣе обогатить содержаніе книги. Вѣроятно авторъ и сдѣлалъ бы это, еслибы смерть не унесла его такъ преждевременно въ могилу. Постараемся же передать его мысли въ немногихъ, но по возможности точныхъ словахъ.

Подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершается внутреннее развитіе человѣческихъ обществъ? Почему одни племена остаются почти совершенно неподвижными, другія же соединяются въ обширныя государственныя тѣла, гдѣ начинается политическая жизнь, возникаютъ науки, литература, прикладныя и изящныя искусства. большія производительныя силы, словомъ, все то, что мы называемъ цивилизаціей? И почему носителями цивилизаціи въ разные времена являются различные народы? Почему въ данную историческую эпоху главныя силы цивилизаціи сосредоточиваются въ данномъ мѣстѣ, или въ данныхъ мѣстахъ, чтобы впослѣдствіи занять новую территорію, первенство которой оспаривается затѣмъ новыми соперницами? Почему центръ тяжести цивилизаціи перенесся съ береговъ Нила, Тигра и Евфрата въ Грецію и Римъ, а потомъ въ Среднюю Европу, откуда онъ, тѣло и гляди, перейдетъ въ Сѣверную Америку? Есть-ли какая нибудь законосообразность въ этомъ, повидному, чрезвычайно капризномъ ея ходѣ? Наконецъ, и это можетъ быть самое интересное, вѣдь не все хорошо и въ цивилизованныхъ странахъ. Историческое развитіе покупается очень дорогою цѣною. Оно ведетъ, по крайней мѣрѣ на время и, нужно сознаться, на очень продолжительное время, къ раздѣленію общества на классы и сословія, къ господству незначительныхъ кучекъ привилегированныхъ, къ угнетенію народной массы, къ приниженію человѣческой личности, а часто и къ самымъ гнуснымъ, самымъ отвратительнымъ проявленіямъ деспотизма. Что же гонитъ человѣчество въ суровую школу цивилизаціи? Какая сила заставляеть нѣкоторыя человѣческія племена покидать свои первобытныя отношенія, складываться въ новыя политическія группы и выходить на тяжелую „барщину исторіи“?

Разумѣется, нѣтъ ничего легче, какъ разрѣшить подобныя вопросы ссылкой на божественное провидѣніе: такъ угодно богу въ его неизмѣнной мудрости, — такой отвѣтъ не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ. Но въ наукѣ онъ не можетъ имѣть никакого значенія. Пока мы ссылаемся на волю божества, мы не имѣемъ права говорить о законосообразности явленій. Открытіе же этой законосообразности и составляетъ задачу науки. Вотъ почему серьезная наука никогда не могла ужиться въ мирѣ съ религіей. Мало по малу наука сбивала религію со всѣхъ ея позицій, и въ настоящее время уже никто изъ людей, имѣющихъ хоть нѣкоторое понятіе о научномъ мышленіи, не станетъ ссылаться на божью волю, какъ на причину явленій природы или общественнаго развитія. Но недостаточно от-

казаться отъ ссылокъ на божественное провидѣніе, чтобы усвоить себѣ всѣ приемы строгой научной мысли. Въ общественной наукѣ мы часто и до сихъ поръ встрѣчаемся съ совершенно произвольными толкованіями событій, съ совершенно ненаучными объясненіями явленій. Справляться съ логикой въ дѣлѣ подобныхъ объясненій не всегда считается обязательнымъ. Когда поднимается вопросъ о причинѣ того или другого историческаго явленія, то часто бываетъ, что неглупые и серьезные люди довольствуются такими отвѣтами, которые не рѣшаютъ ровно ничего, представляя собою лишь повтореніе вопроса въ новыхъ выраженіяхъ. Положимъ, вы задаете „ученому“ одинъ изъ поставленныхъ выше вопросовъ. Вы спрашиваете, — почему одни народы развиваются съ такою поразительною медленностью, между тѣмъ какъ другіе быстро идутъ по пути цивилизаціи? „Ученый“ безъ запинки отвѣчаетъ вамъ, что это объясняется свойствами расы. Понимаете-ли вы смыслъ такого отвѣта? Нѣкоторые народы развиваются медленно потому, что таково уже свойство ихъ расы, чтобы имъ развиваться медленно; другіе же — цивилизуются очень быстро, потому что главное свойство ихъ расы заключается въ томъ, они могутъ развиваться быстро. Если вы станете сравнивать одинъ съ другимъ различные цивилизованные народы, то и здѣсь вы увидите, съ какою удивительною легкостью объясняются свойствами расы всѣ особенности ихъ исторіи. Въ рукахъ умѣлыхъ людей „раса“ оказывается ключемъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ общественной науки. Въ виду удивительной силы этого магическаго слова, можно, казалось бы, ожидать, что связанное съ нимъ понятіе отличается полною ясностью и опредѣленностью. Однако, на дѣлѣ оказывается, что это вовсе не такъ.

Въ книгѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки“ есть превосходная глава, въ которой авторъ подвергаетъ строгому разбору современное ученіе о расѣ. Онъ указываетъ прежде всего на тотъ странный фактъ, что при объясненіи общественныхъ явленій любятъ ссылаться на свойства расы въ особенности дарвинисты, т. е. сторонники принципа эволюціи, вполне признающіе въ теоріи, что свойства даннаго вида или данной разновидности являются плодомъ приспособленія его къ средѣ въ борьбѣ за существованіе. Потомъ Л. И. Мечниковъ мастерски показываетъ всю неопредѣленность и всю сбивчивость понятія о расѣ, при чемъ приводитъ свидѣтельство такого выдающагося антрополога какъ Топинаръ, который утверждаетъ, что въ виду продолжительнаго смѣшенія и скрещиванія различныхъ племенъ нельзя и толковать теперь о чистыхъ расахъ, и что „когда мы говоримъ объ индо-германской, латинской, нѣмецкой, англійской, славянской расѣ, то слово *раса* можить имѣть смыслъ лишь политическаго термина, обозначаетъ только случайное скопленіе различныхъ антропологическихъ элементовъ.“ Л. И. Мечниковъ прибавляетъ къ этому, что всѣ великія цивилизаціи были плодомъ очень сложной смѣси различныхъ этническихъ элементовъ, смѣси, въ которой иногда нельзя даже приблизительно опредѣлить относительное значеніе ея составныхъ частей. Трудно сказать, напримѣръ, какая раса, черная, желтая или бѣлая сдѣлала наибольшій взносъ въ цивилизацію древ-

ного Египта. Исторія Халдеи показываетъ даже, что въ дѣлѣ цивилизаціи черная, „кушитская“ раса, опередила всѣ другія. Чернокожіе ученые того времени могли бы, такимъ образомъ, считать свою расу самой способной къ прогрессу и съ сожалѣніемъ посматривать на племена бѣлыя и желтокожія, коснѣвшія тогда въ застоѣ и невѣжествѣ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось, теперь бѣлая раса стоитъ впереди всѣхъ другихъ, между тѣмъ какъ черная поражаетъ своею отсталостію. Но если бы даже и допустить, что бѣлая раса дѣйствительно способнѣе всѣхъ другихъ къ развитію, то это мало объясняло бы намъ различіе въ исторической судьбѣ народовъ. Мы все таки не знали бы, „почему столь родственныя между собою этнические группы, какъ курды и нѣмцы, англичане и афганцы, одинаково принадлежащія къ арійской вѣтви бѣлой расы, играли въ исторіи такія различныя роли“ (стр. 98). Очевидно, что различіе ихъ ролей опредѣлялось не свойствами расы, а какими-то другими причинами, о которыхъ слишкомъ мало задумывались люди, привыкшіе все сваливать на расу.

Но гдѣ же искать этихъ причинъ? Л. И. Мечниковъ отвѣчаетъ, что искать ихъ нужно во вліяніи географической среды, окружающей человѣческія общества. Всѣмъ извѣстно, что свойства географической среды въ различныхъ мѣстахъ очень различны, а потому различны и судьбы племенъ, испытывающихъ на себѣ ея могучее дѣйствіе. Мысль о вліяніи географической среды на историческую судьбу человечества далеко не нова въ наукѣ. Ее не разъ высказывали еще греческіе и римскіе писатели, въ новѣйшее время ее развивали Монтеスキе, Гегель, Бокль, Риттеръ и многіе другіе. Но вѣрѣдко вліяніе географической среды на историческія судьбы человѣческихъ обществъ понималось очень неяснымъ и даже прямо ошибочнымъ образомъ. Главная ошибка нѣкоторыхъ изслѣдователей сводилась въ этомъ случаѣ къ тому, что слѣдовъ вліянія этой среды они искали больше въ *психологіи* или даже въ *физиологіи* различныхъ племенъ, чѣмъ въ ихъ *соціальномъ* бытѣ. Подъ вліяніемъ географической среды, говорили они, сложился такой-то и такой-то характеръ даннаго племени, а характеръ его, въ свою очередь, опредѣлялъ собою его исторію. Но не трудно видѣть, что такое разсужденіе опять приводитъ насъ къ тѣмъ же свойствамъ расы. Разница лишь въ томъ, что въ этомъ случаѣ происхожденіе мнимыхъ свойствъ расы выясняется нѣсколько подробнѣе. Изслѣдователи этого направленія забывали, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, вліяніе котораго на его характеръ и привычки безконечно сильнѣе непосредственнаго вліянія природы. Поэтому, чтобы правильно оцѣнить вліяніе географической среды на историческую судьбу человечества, нужно прослѣдить, какъ эта природная среда вліяетъ на складъ и свойства той *общественной среды*, которая ближайшимъ образомъ опредѣляетъ характеръ и наклонности человѣка. Л. И. Мечниковъ довольно подробно разсмотрѣлъ вліяніе „великихъ историческихъ рѣкъ“ : Нила, Тигра и Евфрата, Кіанга и Гоанг-го, на развитіе древнихъ восточныхъ цивилизацій. Эти цивилизаціи были не только древними, но и древнѣйшими. Поэтому понятно, что правильно поставленное

изученіе ихъ должно выяснитъ намъ, какая именно географическая среда наиболѣе способствовала рѣшительному выступленію человечества на путь цивилизаціи. Важныя особенности „великихъ историческихъ рѣкъ“ сводятся, по замѣчанію Л. И. Мечникова, къ слѣдующему: „орошаемыя ими страны могутъ стать, смотря по обстоятельствамъ, или житницами, изъ которыхъ люди трудомъ нѣсколькихъ дней могутъ почерпнуть средства къ существованію въ теченіе цѣлаго года, или — кладбищами, усѣянными безчисленными трупами, жертвами наводненій, голода и заразы. Чтобы эксплуатировать псключительную среду, создаваемую этими рѣками, необходимы совокупныя усилія строго дисциплинированныхъ рабочихъ, вербуемыхъ между побережнымъ населеніемъ, обыкновенно очень разнообразнымъ по своему составу, различнымъ по языку, расѣ, внѣшнему виду и обычаямъ. Каналы Кіанга и плотины Гоанг-го по всей вѣроятности, представляютъ искусно организованный совокупный трудъ болѣе многочисленныхъ поколѣній, чѣмъ пирамиды и храмы Египта. Малѣйшая небрежность въ рытьѣ того или другого рва или въ поддержаніи какой нибудь насыпи, малѣйшая лѣпость, эгоизмъ, проявляемый однимъ человѣкомъ или одной группой людей въ дѣлѣ охраненія общаго воднаго богатства, становится въ подобной исключительной средѣ источникомъ общественнаго бѣдствія, непоправимаго народнаго несчастія. Такимъ образомъ, кормилица-рѣка подъ страхомъ смерти вынуждаетъ къ тѣсной и постоянной солидарности всѣ эти массы населенія, часто незнакомыя или даже враждебныя между собою; она осуждаетъ каждыя на такія работы, общепольность которыхъ обнаруживается лишь со временемъ и планъ которыхъ чаще всего непонятенъ среднему человѣку. Вотъ истинная причина боязливаго и благоговѣйнаго обожанія Рѣки, этого бога, который питаетъ и повелѣваетъ, убиваетъ и даетъ жизнь, повѣряетъ свои тайны немногимъ избраннымъ, но требуетъ слѣпонаго повиновенія отъ простаго смертнаго.“ (стр. 189) И въ самомъ дѣлѣ, переведенный г. Масперо и цитируемый Л. И. Мечниковымъ гимнъ Нилу, не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ источника этого обожанія. „Привѣтъ тебѣ, о Ниль, ты, который проявляешься на землѣ и мирно приходишь, чтобы дать жизнь Египту. Создатель хлѣба, творецъ ячменя, онъ увѣковѣчиваетъ теченіе времени... Его трудъ даетъ отдыхъ милліонамъ несчастныхъ. Когда онъ убиваетъ, боги па небесахъ падаютъ ницъ, люди гибнутъ... Когда онъ поднимается, земля преисполняется радости, всякое брюхо веселится, всякое существо получаетъ свою пищу, всѣ зубы прикипаютъ за работу... самыя жертвоприношенія существуютъ лишь благодаря ему“ и проч. (стр. 215-216). Но тотъ же самый могучій и таинственный богъ, создатель „всѣхъ хорошихъ вещей, создавалъ также и деспотизмъ, свойственный древнему Египту. „Никакой народъ — говоритъ Ленорманъ объ египтянахъ — не заходилъ такъ далеко въ своемъ почтеніи къ власти государя, не ставилъ такъ высоко понятія о власти, не обоготворялъ ее до такой степени. И это происходило оттого, что нигдѣ задача и необходимость этой власти не выяснялись до такой степени народу условіями матеріальной жизни, производствомъ предметовъ самой первой

потребности.“ При внимательномъ отношеніи къ дѣлу оказывается, впрочемъ, что и власть халдейскихъ царей основывалась на матеріальныхъ условіяхъ жизни, на производствѣ предметовъ первой необходимости. Это сознавали, повидимому, и сами цари. „Я изучилъ тайны рѣкъ для блага людей... -- говорить о себѣ одинъ изъ нихъ. — Я провелъ рѣчную воду въ пустыни; я наполнилъ ею изсохшіе рвы... я оросилъ пустынные равнины; я далъ имъ плодородіе и изобиліе; я сдѣлалъ изъ нихъ обитель счастья“ и т. д. (стр. 258 разб. книги). Говоря вообще, таково же было экономическое значеніе деспотической власти и въ Китаѣ, по крайней мѣрѣ, въ области Янъ-тсе-Кіанга и нижняго Гоанго. „Тамъ мы опять встрѣчаемся съ такой средой, которая, щедрою рукой вознаграждая трудъ человѣка, вынуждаетъ его, подъ страхомъ истребленія, къ полной солидарности, къ строгой и постоянной дисциплинѣ, распространяющейся даже на самыя мелкія частности жизни.“ (стр. 353-354). Наконецъ, хотя въ Индіи свойства географической среды и помѣшали возникновенію государственнаго единства, но и тамъ они сдѣлали деспотизмъ неизбѣжной и для извѣстнаго времени полезной политической формой. У насъ есть достаточно данныхъ для того, чтобы представить себѣ тѣ социальныя-политическія отношенія, которыя существовали у индійскихъ арійцевъ до возникновенія у нихъ деспотическихъ государствъ. Эти отношенія характеризуются въ особенности независимостью общины, во главѣ которой стоялъ выборный начальникъ. По географическимъ условіямъ страны, общины могли оставаться независимыми лишь до тѣхъ поръ, пока индійскіе арійцы жили въ роскошныхъ долинахъ Кашмира, „гдѣ сложились древнѣйшіе гимны Ригъ-Веды, и въ сосѣдствѣ Гинду-Куша. Изобиліе дождей въ соединеніи съ плодородіемъ почвы благоприятствовало пастушеской жизни и обработкѣ почвы свободнымъ трудомъ небольшихъ независимыхъ группъ.“ Еслибы арійцы не пошли дальше въ своемъ заселеніи Индіи, они могли бы навсегда сохранить свои первобытныя свободныя учрежденія, за то и не играли бы никакой роли въ исторіи. Но они неудержимо подвигались внутрь страны, гдѣ ихъ ожидали уже иныя географическія условія. „Обширная мѣстность, которая въ сводѣ Ману называется „срединною страной“, Мадья-деза, имѣетъ всѣ отличительныя признаки среды, благоприятной для историческаго развитія.“ (стр. 303). Тамъ земледѣліе, продолжая щедро вознаграждать усилія человѣка, становится однако невысказаннымъ безъ той планомѣрной организаціи и дисциплины труда, которыя, создавъ древнія цивилизаціи, создали также и древнее деспотическое государство. Тоже и во всемъ бассейнѣ Ганга. Обширная система орошенія тамъ совершенно необходима; малѣйшая неисправность въ поддержаніи этой системы грозитъ странѣ болѣе страшными бѣдствіями, чѣмъ самое опустошительное нашествіе непріятеля. Центральная власть, завѣдывающая этой системой, приобретаетъ огромную силу и становится деспотической.

Но древнія восточныя цивилизаціи представляютъ собою только первые большіе шаги человѣчества на пути историческаго развитія. Для слѣдующихъ шаговъ требуется уже иная географическая среда,

благоприятствующая развитію новыхъ социальнo-политическихъ отношеній. Развитіе техническихъ искусствъ и возростаніе богатства создаютъ надобность въ международныхъ сношеніяхъ, въ общеніи. Центръ тяжести цивилизаціи переносится на берега средиземныхъ морей. На историческую сцену выступаютъ новые дѣятели: финикійцы, греки, римляне и т. д. Тѣ народы, которые подобно древнимъ египтянамъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ цивилизованнаго существованія, отступаютъ на задній планъ, приходятъ въ упадокъ. Для народовъ же, сумѣвшихъ приспособиться къ этимъ условіямъ, начинается новый періодъ процвѣтанія. Такова была судьба Халдеи, которая въ первомъ періодѣ является исключительно земледѣльческой страной, но затѣмъ играетъ огромную роль въ торговлѣ Персидскаго залива, этого ближайшаго къ Европѣ средиземнаго моря Востока. Но постепенно международныя сношенія развиваются до такой степени, что средиземныя моря становятся тѣсны для нихъ и тогда образованное человечество входитъ въ періодъ *океаническихъ цивилизацій*, выдвигающій на первый планъ страны, наиболѣе удобныя для развитія океанической торговли.

Въ социальнo-политическомъ отношеніи древнія рѣчныя цивилизаціи характеризуются, какъ мы знаемъ, преобладаніемъ обширныхъ деспотій; въ періодъ цивилизаціи средиземныхъ морей, къ которому нашъ авторъ относитъ и средневѣковую Европу, выступаетъ новый принципъ. Господствующей формой является федеративная республика, основанная, впрочемъ, на рабствѣ, и потому всегда болѣе или менѣе *олигархическая* (стр. 44-45). Наконецъ, новѣйшій океанический періодъ цивилизаціи по направленію своему одинаково враждебенъ и деспотизму и олигархіи, онъ стремится воплотить въ жизнь провозглашенныя Великой Революціей права человека, устранить господство однихъ классовъ надъ другими, осуществить принципы *свободы, равенства и братства* (стр. 51-52).

Итакъ, при данныхъ природой условіяхъ человѣческаго существованія, деспотизмъ, раздѣленіе общества на классы, угнетеніе одного класса другимъ и всѣ подобныя этому черныя стороны цивилизаціи были необходимы для ея развитія. Но успѣхи этого развитія постепенно ведутъ къ ихъ отреченію и уже недалеко то время, когда начнется новый періодъ свободныхъ и разумныхъ общественныхъ отношеній. Къ такому выводу приходитъ Л. И. Мечниковъ, и за этотъ то выводъ обидѣлась должно быть наша старушка-цензура. Что касается до насъ, то, разумѣется, мы принимаемъ его всецѣло. Намъ кажется только, что авторъ иногда выражаетъ его нѣсколько не точно. Въ концѣ первой главы своей книги онъ выставляетъ, между прочимъ, такое положеніе: „соціологическій прогрессъ — говоритъ онъ — обратно пропорціоналенъ насилию, принужденію, *власти* и прямо пропорціоналенъ отсутствію стѣсненій *воли, свободѣ, анархіи*“ (стр. 28) Это доказательство его мнѣнію, еще Прудонъ. Съ такой постановкой вопроса мы согласиться не можемъ. Во-первыхъ, выставленное авторомъ положеніе опровергается содержаніемъ его собственной книги. Сравните общественный строй, выработавшійся въ періодъ „рѣчныхъ

цивилизаций“, со строемъ первобытныхъ человѣческихъ обществъ, и вы увидите, что „принужденіе“ и „власть“ играютъ гораздо большую роль въ первомъ, чѣмъ во второмъ. Но можно-ли сказать, что „рѣчные цивилизаціи“ въ смыслѣ „соціологическаго прогресса“ ушли назадъ сравнительно съ первобытными обществами? Можно больше симпатизировать свободному быту дикарей, чѣмъ цивилизованной деспотіи, но зачѣмъ же придавать слову *прогрессъ* такое произвольное и парадоксальное значеніе, благодаря которому оказывается, что первобытныя племена, почти не двигаясь съ мѣста, ушли по пути прогресса дальше, чѣмъ народы, оставившіе за собою длинный историческій путь? Вообще мы думаемъ, что въ общественной наукѣ вредны всякія отвлеченныя формулы. Уже вслѣдствіе своей отвлеченности онѣ всегда крайне односторонни и никогда не охватываютъ богатаго содержанія дѣйствительной жизни и исторіи. Распредѣлять различныя общества по степенямъ „прогресса“ и принимать при этомъ въ соображеніе только одну сторону ихъ отношеній, — это то же, что распредѣлять растительныя виды, роды и семейства по количеству тычинокъ, или человѣческія расы по разрѣзу волосъ: ошибки и противорѣчія немедленно явятся въ огромномъ числѣ. Въ первобытныхъ обществахъ больше свободы, чѣмъ въ восточныхъ деспотіяхъ, но восточныя деспотіи все таки гораздо дальше ушли по пути прогресса, потому что населеніе ихъ имѣетъ гораздо большую власть надъ природою, чѣмъ свободныя дикари. Вѣдь нельзя же разсуждать о прогрессѣ *человѣка*, не принимая во вниманіе степени власти его надъ *природою*? Способность къ пріобрѣтенію такой власти составляетъ главнѣйшее отличіе человѣка отъ животнаго. Если бы онъ не обладалъ ею, и если бы мѣра власти его надъ природою не измѣнялась при благопріятныхъ условіяхъ, то не было бы исторіи, не было бы и человѣческаго прогресса ни въ какомъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того мы замѣтимъ еще вотъ что. Для насъ, какъ мы уже сказали, не подлежитъ сомнѣнію тотъ выводъ, что исторія ведетъ человѣчество къ свободѣ и равенству. Но ведетъ-ли оно его къ анархіи? Можно-ли сказать, что общественное развитіе идетъ по тому направленію, на которое указывалъ Прудонъ? Далекое нѣтъ. „Анархія“ Прудона до такой степени пропитана духомъ мелкобуржуазнаго индивидуализма, что если бы человѣчество когда нибудь прониклось прудоновскими идеями, то совершенно невозможной стала бы плановая организація общественнаго производства на какихъ бы то ни было началахъ, не говоря уже о началахъ свободы и равенства. Конечно, въ тѣхъ общественныхъ формахъ, къ которымъ видимо идетъ теперь цивилизованное человѣчество, не можетъ имѣть мѣста ни деспотизмъ, ни политическая власть одного класса надъ другимъ. ни, наконецъ, та, по внѣшности демократическая, власть, которая поддерживаетъ теперь въ нѣкоторыхъ странахъ экономическое господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ. Но вѣдь сохранить же общество *власть* надъ своими собственными производительными силами? Сохранить оно *власть* надъ организаціей этихъ силъ? Конечно — да, потому что отказъ *отъ этой власти* былъ бы для него равносильнъ *самоубійству*. Но въ такомъ случаѣ общество это не будетъ *анархи-*

чески, потому что анархія означаетъ полное безвластіе, оставляющее неограниченный просторъ, — не свободѣ, немислимой безъ организаціи, — а произволу отдѣльныхъ лицъ, исключаящему всякую организацію. Вообще мы позволимъ себѣ замѣтить, что соображенія объ анархіи довольно сильно повредили достоинству книги Л. И. Мечникова, — повредили тѣмъ, что помѣшали систематическому развитію лежащихъ въ ея основѣ совершенно вѣрныхъ и плодотворныхъ мыслей. Иногда онъ какъ бы опасается своихъ выводовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ анархическими воззрѣніями, и тогда онъ начинаетъ смягчать ихъ различными оговорками, противорѣчащими его ученію. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Показавъ какъ нельзя болѣе ясно, что въ древнемъ Египтѣ производство не могло устроиться иначе, какъ при помощи деспотической власти, онъ считаетъ нужнымъ смягчить свои слова и ссылается на Элзэ Реклю, по мнѣнію котораго географическія условія представляли жителямъ долины Нила выборъ между деспотизмомъ и ассоціаціей, основанной на равенствѣ всѣхъ и каждого (стр. 227). Правда, нашъ авторъ тотчасъ же замѣчаетъ, что слова: прогрессъ и эволюція не имѣли бы смысла, если бы древніе египтяне могли начать со свободной ассоціаціи. Но если это такъ, то значитъ для древнихъ египтянъ выходъ былъ только въ сторону деспотизма, а потому и нельзя сказать, какъ это говоритъ Л. И. Мечниковъ, что „даже съ самаго начала, среда, представляемая долиной Нила, не навязывала жителямъ деспотизма“, а только „совѣтовала имъ быть солидарными“. Повторяемъ, подобными оговорками Л. И. Мечниковъ только подрывалъ значеніе своихъ собственныхъ научныхъ выводовъ, а склонность къ такимъ оговоркамъ явилась у него, какъ намъ кажется, именно отъ нѣкотораго пристрастія къ „анархіи“. Пристрастіе къ ней еще и въ другомъ смыслѣ повредило Л. И. Мечникову. Оно препятствовало ему послѣдовательно провести въ своей книгѣ матеріалистическій взглядъ на исторію. Анархическое ученіе до-нельзя идеалистично. Анархисты много говорятъ о свободѣ, о правахъ человеческой личности, о вредѣ всякой власти и проч. и проч., но они совершенно не принимаютъ въ соображеніе объективныхъ условій развитія человечества, тѣхъ условій, которыя не только не создаются волей человѣка, но напротивъ сами своимъ вліяніемъ опредѣляютъ направленіе его воли и его дѣйствій. Задача же современнаго матеріализма въ примененіи къ общественной наукѣ именно въ томъ и заключается, чтобы показать, какимъ образомъ развитіе человечества совершалось подъ вліяніемъ независѣвшихъ отъ его воли объективныхъ условій его существованія. Иначе сказать, современный матеріализмъ стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчии со всѣмъ духомъ анархическаго ученія. Человѣкъ, хотя отчасти симпатизирующий анархизму и принимающій хотя немного въ серьезъ это ученіе, поневолѣ будетъ увлекаться по временамъ идеалистическими объясненіями исторіи, хотя бы онъ, по основнымъ взглядамъ своимъ, и былъ убѣжденнымъ матеріалистомъ. Вотъ напримѣръ, главнѣйшія положенія философіи исторіи Л. И. Мечникова совершенно матеріалистичны. Но въ частности онъ не рѣдко уклоняется въ сторону идеализма. Такія частности встрѣчаются почти въ каждой главѣ его

книги. Въ главѣ „Индъ и Гангъ“ онъ говоритъ, что Индія имѣла особенную задачу въ исторіи человѣчества, и что „возмутительнымъ учрежденіемъ кастъ она начала исторію права„ (стр. 281). Такое большое значеніе приписываетъ онъ кастамъ потому, что по его мнѣнію касты ставили предѣлы неограниченной въ другихъ центрахъ „рѣчныхъ цивилизацій“ царской власти. „Въ древности одна только Индія съумѣла осуществить такой общественный порядокъ, который регулировался своимъ внутреннимъ механизмомъ независимо отъ принужденій личной и произвольной власти. Чтобы разрѣшить эту задачу всемірной исторіи Индія преувеличила до абсурда, до возмутительности тѣ классовыя различія, которыя возникаютъ повсюду“. Все это тѣмъ сильнѣе отзывается идеализмомъ, что мы вовсе не видимъ, какъ же собственно возникли индійскія касты и какимъ образомъ авторъ связываетъ возникновеніе ихъ со свойствами географической среды. Въ настоящее время самое существованіе этихъ кастъ въ томъ видѣ, въ какомъ представлялъ ихъ себѣ Л. И. Мечниковъ, подвергается сильному сомнѣнію. Вотъ какъ высказывается по этому поводу Г. С. Мэнъ, писатель, компетентности котораго никто не станетъ отрицать. „Мнѣ извѣстно ходячее народное мнѣніе, будто бы индійское общество раздѣлено такъ сказать на много горизонтальныхъ слоевъ, изъ которыхъ каждый составляетъ особую касту. Это — совершенное заблужденіе. Крайне сомнительно, была-ли когда нибудь справедлива браминская теорія о кастахъ, стоящихъ одна надъ другой... вѣроятно даже, что наибольшая важность приписывалась такой теоріи въ повѣйшее время, чѣмъ когда либо въ древнѣйшія времена. Въ дѣйствительности въ Индіи существуетъ только одна каста — жрецовъ, которая въ извѣстномъ, хотя очень ограниченномъ смыслѣ считается стоящей выше всѣхъ... Каста есть просто названіе ремесла или занятія“... (Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ. С.-Петербург. 1874, стр. 32—33). Мы не хотимъ спорить о томъ, правъ или неправъ Г. С. Мэнъ, хотя и думаемъ, что онъ правъ. Но читатель согласится, что Л. И. Мечникову во всякомъ случаѣ не слѣдовало говорить объ особенной исторической задачѣ Индіи, не показавъ предварительно, что взглядъ Мэна ошибоченъ. Нашъ авторъ пренебрегъ требованіями критики въ интересахъ предвзятаго идеалистическаго взгляда, совсѣмъ не вяжущагося съ главными положеніями его исторической теоріи.

Прежде чѣмъ указать другія, подобныя же уклоненія его въ сторону идеализма, мы замѣтимъ, что вообще въ разбираемомъ нами сочиненіи географъ слишкомъ мало оставляетъ мѣста историку. Это можетъ быть происходить оттого, что авторъ не имѣлъ времени придать своему изложенію надлежащую соразмѣрность. Но какъ бы то ни было, недостатокъ этотъ присущъ его книгѣ. Географическія особенности территорій рѣчныхъ цивилизацій указаны въ ней съ такими подробностями, которыя не оставляютъ ничего желать. Но какъ только рѣчь заходитъ о характерѣ общественныхъ отношеній, создаваемомъ этими особенностями, изложеніе становится *очень* краткимъ. Оно становится *слишкомъ* краткимъ, когда авторъ касается внутренняго развитія выросшаго на берегахъ географическихъ рѣкъ обще-

ственного порядка. Отъ этого ученіе Л. И. Мечникова страдаетъ, сказали бы мы, нѣкотораго рода *географическимъ схематизмомъ*. Намъ могутъ замѣтить, что современная наука даетъ пока еще слишкомъ мало данныхъ для всесторонняго изученія характера и развитія общественныхъ отношеній древняго Востока. Это справедливо; но все таки слѣдовало воспользоваться всѣми тѣми данными, которыя есть, а Л. И. Мечниковъ этого не сдѣлалъ. Отсюда выходитъ вотъ что: хотя книга его вообще не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что географическая среда вліяетъ на человѣка главнѣйшимъ образомъ *черезъ посредство возникающихъ подъ ея дѣйствіемъ экономическихъ отношеній*, но экономическая сторона дѣла выяснена имъ въ этой книгѣ все таки очень мало. Если бы онъ побольше обратилъ на нее вниманія, то можетъ быть нашелъ бы въ ней разгадку такихъ явленій, которыя ему приходилось объяснять простымъ „*истощеніемъ*“ даннаго историческаго народа, убылью въ немъ жизненнаго „*сока*“ и т. п. Необходимость перехода человѣчества изъ одного періода цивилизаціи въ другой стала бы еще болѣе очевидною. Характеристическіе признаки различныхъ періодовъ обозначались бы яснѣе, а происхожденіе этихъ признаковъ стало бы понятнѣе. Намъ кажется, что разъ Л. И. Мечниковъ заговорилъ объ особенностяхъ, напримѣръ, цивилизацій средиземныхъ морей, то ему слѣдовало сдѣлать хотя бы намекъ на происхожденіе этихъ особенностей изъ свойствъ географической среды и *черезъ посредство* экономіи. Теперь же остается неясно, почему эти цивилизаціи были, какъ онъ ихъ называетъ, олигархическими, т. е. почему онѣ основывались на рабствѣ. Точно также слѣдовало бы подробнѣе объяснить и то, на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ авторъ уподобляетъ бытъ средневѣковой континентальной Европы быту такихъ республикъ, какъ финикійская, карфагенская, афинская и т. д. Одно-го порабощенія массъ еще недостаточно для такого уподобленія. При томъ же порабощеніе массъ въ средиземно-морскихъ цивилизаціяхъ имѣетъ свою исторію, для объясненія которой недостаточно сдѣлать общее указаніе на роль средиземныхъ морей, а нужно прослѣдить внутреннюю экономическую исторію возникшихъ на ихъ берегахъ обществъ. Л. И. Мечниковъ говоритъ, что средневѣковый феодализмъ со своимъ крѣпостнымъ правомъ представляетъ собою лишь сельское дополненіе къ городскимъ республикамъ въ родѣ Карфагена, Афинъ или Рима (стр. 50). Но вѣдь *сельское* значитъ по преимуществу *земледѣльческое*, а для земледѣльческихъ народовъ по собственной теоріи Л. И. Мечникова море не имѣетъ значенія; земледѣльческіе народы часто даже удаляются отъ моря. „поворачиваются къ нему спиною“, вмѣсто того, чтобы искать его. Какимъ же образомъ средиземное море могло имѣть рѣшительное вліяніе на складъ общественныхъ отношеній средневѣковой земледѣльческой Европы? Ясно, что вліяніемъ географической среды нельзя выяснитъ всего хода исторіи. Среда дѣлаетъ, конечно, свое дѣло, но создавшійся подъ ея вліяніемъ общественныя отношенія также имѣютъ свою внутреннюю логику, которая часто можетъ стать даже въ противорѣчіе съ требованіями среды. Въ новѣйшей исторіи Европы, какъ и во всякой другой, можно указать нѣсколько примѣровъ подобнаго противорѣчія. Изученіе внутренней логики общественныхъ и главнымъ

образомъ экономическихъ отношеній обязательно никакъ не меньше, чѣмъ изученіе *географической* подкладки всемірной исторіи. Эти два рода изученія дополняютъ одно другое, и подъ ихъ соединеннымъ напоромъ мало по малу откроются истиннѣйшія тайны исторіи. Для изученія внутренней логики общественныхъ отношеній много сдѣлано въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ особенности *школой Маркса*, и нельзя не пожалѣть, что Л. И. Мечниковъ оставилъ безъ вниманія почти всѣ ея выводы. Въ концѣ концовъ, и говоря вообще, его работа приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ пришли марксисты. Но заключенія его много выиграли бы въ стройности и послѣдовательности, если бы онъ воспользовался историческими взглядами Маркса и Энгельса для ихъ провѣрки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взять хотя бы приведенное уже мнѣніе Л. И. Мечникова о томъ, что историческое развитіе ведетъ къ переустройству общественныхъ отношеній въ смыслѣ свободы и равенства. На чемъ основывается это мнѣніе? На общемъ соображеніи о томъ, что люди должны научиться современемъ организовать свой трудъ безъ палки деспота и безъ корыстнаго надзора предпринимателя. Это соображеніе имѣетъ за себя большую вѣроятность; такую большую, что нашему автору въ сущности не было никакой надобности подкрѣплять его аналогіями, заимствованными изъ области явленій природы, такъ какъ всѣ такого рода аналогіи обыкновенно очень натянуты и произвольны. Но все таки, какъ ни вѣроятно соображеніе Л. И. Мечникова, оно остается *только вѣроятнымъ*. Характеръ несомнѣнности оно могло бы приобрести только въ томъ случаѣ, если бы онъ хоть въ немногихъ словахъ показалъ, какимъ образомъ логика внутреннихъ отношеній современныхъ цивилизованныхъ странъ ведетъ къ указанной имъ цѣли. Школа Маркса сдѣлала это, обративъ надлежащее вниманіе на размѣры и свойства современныхъ производительныхъ силъ, и на противорѣчіе этихъ силъ съ современными отношеніями производства. Марксъ показалъ, до какой степени неизбежно социализмъ вытекаетъ изъ капитализма. Жаль, что Л. И. Мечниковъ не нашелъ нужнымъ считаться съ ученіемъ Маркса. Это ученіе придало бы его теоріи прогресса характеръ большей строгости и достовѣрности. Школа Маркса и у насъ имѣла своихъ послѣдователей. Книга Н. Зиберы „Очерки первобытной экономической культуры“ очень пригодилась бы Л. И. Мечникову въ его изслѣдованіяхъ.

Говоря все это, мы ни на минуту не забываемъ, однако, что *la critique est aisée, l'art est difficile*, и что слишкомъ рѣдко появляются сочиненія, на которыя не могли бы сдѣлать нѣкоторыхъ возраженій и замѣчаній даже наиболѣе расположенные къ автору и наиболѣе согласные съ нимъ критики. Мы помнимъ также, что на книгу Л. И. Мечникова нельзя смотрѣть какъ на вполне законченное произведеніе, что смерть помѣшала ему придать ей надлежащую отдѣлку. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ книга эта остается замѣчательной работой, и мы настойчиво совѣтуемъ познакомиться съ нею, о лучше сказать изучить ее, тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые достаточно владѣютъ французскимъ языкомъ.